

Т. Б. Радбиль, *Нижний Новгород*
Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н. И. Лобачевского
timur@radbil.ru

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ АНОМАЛИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА: ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ

В работе рассматриваются художественные функции моделей словообразовательной аномальности в художественной речи О. Мандельштама, которые участвуют в создании такого эстетически значимого лингвокогнитивного по природе эффекта, который трактуется как «конденсация смысла». Анализируются два вида словообразовательных аномалий: структурно-семантические, которые связаны с окказиональным словообразованием, и собственно семантические, которые основаны на неразграничении внутренней формы и лексического значения производного слова, а также на переосмыслении семантического соотношения исходного и производного слова.

Ключевые слова: поэзия О. Мандельштама, художественная речь, конденсация смысла, лингвокогнитивный аспект, модели словообразовательной аномальности, структурно-семантические аномалии, собственно семантические аномалии.

В статье на новом материале развиваются идеи, высказанные в работе [Радбиль 2022], о роли языковой аномальности в создании такого эстетически значимого эффекта художественной речи О. Мандельштама, который трактуется нами как «конденсация смысла». Под **конденсацией смысла** понимается актуализация в языковом выражении «целого комплекса узуальных и неузуальных значений, а также семантических ассоциаций, которыми обрастает слово в микроконтексте и которые реализуются одномоментно, а не так, как в режиме внехудожественного использования языка, когда облигаторно выбирается лишь одно значение из возможных» [Радбиль 2022: 434].

Представление о повышенной семантической емкости слова в поэзии является практически общим местом в лингвопоэтических стратегиях научного поиска [Григорьев 1986]. Согласно концепции

нашего исследования, в качестве одного из важнейших лингвокогнитивных механизмов порождения указанной семантической емкости выступают модели языковой аномальности. В общем виде языковую аномалию можно понимать, вслед за Ю. Д. Апресяном, как «нарушение правила употребления какой-то языковой или текстовой единицы» [Апресян 1990: 50]. Однако модели языковой аномальности, намеренно эксплуатируемые авторами, особенно в поэтической речи, зачастую служат мощным средством художественной выразительности. Языковая аномалия как отклонение от правил или норм вовсе не перечеркивает само правило или норму: «Возможность отклонений от языковых правил в речевой практике как бы предусмотрена самими правилами» [Булыгина, Шмелев 1997: 439]. Все это в полной мере относится и к поэзии Осипа Мандельштама, для которой «особая смысловая сгущенность, особая смысловая нагруженность слова считается стилеобразующим и текстообразующим фактором» [Радбиль 2022: 433–434].

В нашей теории языковой аномальности в художественном тексте принципиальным представляется положение о комплексном характере языковой аномальности, в манифестации которой задействуются не только собственно лингвистические, но и когнитивные, а также коммуникативно-прагматические механизмы. Процедура исследования основана на теории языковой аномальности [Апресян 1990; Булыгина, Шмелев 1997; Русский язык 2021], принципах когнитивно-дискурсивного анализа корпусных данных [Чернявская 2018; Радбиль 2020] и концепции «проективного смысла» [Чернейко 2019]. Материалом исследования являются контексты из созданного нами подкорпуса поэтической речи О. Мандельштама на основе поэтического корпуса в составе Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

В настоящей работе мы подробнее остановимся лишь на одной разновидности языковых аномалий — на словообразовательных аномалиях, в силу повышенного экспрессивного и эстетического потенциала разнообразных структурных и семантических нарушений моделей стандартного словообразования в художественной речи — ср., например [Виноградова 1997]. Кроме того, многими исследователями отмечается и повышенная роль неологизмов и окказионализмов именно в поэтике О. Мандельштама [Успенский 2014]. Мы различаем две разновидности словообразовательных аномалий — структурно-семантические аномалии и собственно семантические аномалии.

Структурно-семантические словообразовательные аномалии связаны с процессами неологического словообразования потенциальных

слов и окказионализмов. Рассмотрим некоторые показательные случаи, где посредством использования механизмов неузального словообразования в художественной речи О. Мандельштама реализуется лингвокогнитивный по своей природе эффект конденсации смысла.

Покажем, как это «работает», на следующем примере: *Голубой, онелепленный, пепельный, // В барабанном наросте домов, // Город...* («Рим», 1937). — Здесь семантически емкое причастное новообразование *онелепленный* не просто означает ‘тот, которого каузировали стать нелепым, сделали нелепым’. Нетрудно видеть, что в этом словоупотреблении нейтрализуются, т. е. реализуются диффузно разные значения исходного прилагательного *нелепый*: ‘лишенный здравого смысла; неразумный, бессмысленный’; ‘странный, несуразный’; ‘неловкий, неуклюжий’. А еще, как это обычно бывает у О. Мандельштама, здесь, возможно, сопричастие и этимологического значения *нелепый* ‘некрасивый’, а также другого архаического значения ‘не отвечающий приличиям, непристойный’.

А в примере: *Сознаешь ли, до чего щегол ты, // До чего ты щегловит?* («Мой щегол...», 1936) — неодериват *щегловит* одновременно выражает смыслы ‘обладаешь всеми свойствами, которыми должен обладать прототипический щегол’, ‘обладаешь высшей степенью щегловитости как выражения свойства быть щеглом’, ‘похож на щегла’. А отсюда на лингвокогнитивном, концептуальном уровне возникает оценочная импликация → ‘до чего ты хорош, красив’.

Конденсация смысла в моделях неодеривации может быть реализована посредством такого лингвокогнитивного механизма, как **перекатегоризация структуры события** [Кобозева, Лауфер 1990]: *Как волгогосная органная игра // Сопровождает голос женский* («Я в львиный ров и в крепость погружен...», 1937). — Неодериват *волгогосный* реально является не признаком предмета *игра*, а признаком действия *играть* ‘тихо, сопровождая основную партию’. Тем самым возникает семантически емкий образ, основанный на смешении смыслов производящей лексемы *голос* — ‘звуки вследствие колебания голосовых связок’; ‘способность производить такие звуки, их качество’; ‘вокальная партия’, ‘партия музыкального инструмента’; ‘звуки, сопровождающие какое-либо явление, действие, работу инструментов и пр.’, к котрым прибавляется и переносное значение исходного наречия *волгогоса* ‘негромко, приглушенно (о значении чего-либо)’.

Конденсация смысла в сложных неодериватах в идиостиле О. Мандельштама может быть связана и с **паронимической аттракцией** [Григорьев 1986]: *Древность летняя, легкая, наглая, // С жадным взглядом*

и плоской ступней, // Словно мост ненарушенный ангела // В плоско-ступни над желтой водой... («Рим», 1937). — Здесь плоская ступня древности плоско ступает («в плоскоступни») над водой. Но выбор неологического существительного обусловлен тем, что лирический герой рисует картину застывшую, как фотоснимок, на которой никто никуда не ступает, в режиме остановившегося мгновения.

Собственно семантические словообразовательные аномалии связаны с неразграничением внутренней формы и лексического значения производного слова, т. е. с игрой на неразличении синхронии и диахронии, а также с переосмыслением семантического соотношения исходного и производного слова.

Так, в контексте: *До чего эти звезды изветливы: // Все им нужно глядеть — для чего? — // В осужденье судьи и свидетеля, // В океан без окна вещество* («Стихи о неизвестном солдате», 1937) — для слова *изветливый* в современных толковых словарях русского языка вообще отсутствуют толкования, и в синхроническом плане оно вполне может восприниматься как неологизм. Однако в словаре В. И. Даля [Даль—II 1999] и в «Словаре русского языка XVII в.» [Словарь русского языка—9 1997] дается значение ‘склонный к доносам, к изветам’. Это значение как базовое реализовано и в данных строках О. Мандельштама — в контекстном окружении общей судебной, так сказать, «правоприменительной» развернутой метафоры (*осужденье, судья, свидетель*). Но еще ассоциативным фоном прочитывается смысл ‘вечные свидетели, наблюдатели, даже соглядатаи’, причем с явно негативной оценочностью, как то, что враждебно земному человеку с его заботами.

Аналогично в примере: *И двойного запаха сладость неуживчива: // Борется и тянется — смешана, обрывчива* («На меня нацелилась груша да черемуха...», 1931) — лексема *обрывчивый* также в современных словарях отсутствует. В то же время в «Словаре русского языка XVII в.» приводится значение ‘сыпучий, осыпающийся’ [Словарь русского языка—16 2007], которое и выступает здесь в качестве номинативной базы для формирования образа. А в словаре В. И. Даля высвечивается еще одно значение, каузативное, с ориентацией на активно действующего субъекта в когнитивной модели ситуации: ‘охочий (т. е. желающий) оборвать (человека)’ [Даль—II 1999]. В контексте данного образа данная каузативность принимает инвертированный вид ‘которую хочется оборвать (о груше и черемухе)’.

Во всех рассмотренных выше случаях можно говорить об обыгрывании этимологической памяти слова, истории развития его значений.

Как вариант данной модели неразграничения синхронии и диахронии мы можем рассматривать и явления воскрешения архаической семантики слова, когда современное значение у лексемы уже полностью утрачено (она тогда вообще воспринимается как неологизм).

Так, конденсация смысла при использовании механизмов словообразовательной аномальности в художественной речи О. Мандельштама может порождаться одновременным столкновением в пределах одного контекста современного и архаического, малоизвестного значения слов. В примере: *Нам союзно лишь то, что избыточно, // Впереди — не провал, а промер, // И бороться за воздух прожиточный* — // *Это слава другим не в пример* («Стихи о неизвестном солдате», 1937) — в лексеме *прожиточный* сталкивается современная семантика 'необходимый, достаточный для существования, жизни' и устаревшее значение 'предназначенный для проживания (*прожиточные именья*)' [БАС—XI 1961]. Кроме этого, в данную конфигурацию смыслов также вовлекается ассоциативный смысл — концептуальная импликация 'необходимый для выживания, чтобы выжить', а в случае прочтения *воздух* по модели метафорического расширения до обобщенного переносного значения 'условия, среда существования' [МАС—I 1985] еще возможны смыслы, связанные с нормативно-оценочными коннотациями 'достойный, требуемый для подлинной духовной жизни и внутреннего развития личности'.

При этом исконное архаическое значение производного слова может как бы регенерироваться. Так, для архаического прилагательного *сладимый*, образованного на базе страдательного причастия, фиксируется устаревшее значение 'сладкий, сладковатый' [БАС—XIII 1962] и исконное причастное значение 'подслащенная, услащенная'. Но в строке: *Как вода в новгородских колодцах должна быть черна и сладима...* («Сохрани мою речь навсегда...», 1931) — как бы воскрешается и архаическое переносное значение этого слова, отмеченное в словаре В. И. Даля: 'успокаивающий, приятный, располагающий к неге' [Даль—IV 1999]. Также в данном контексте возможна еще и субъектная концептуальная импликация 'такая, какой должна быть, соответствующая прототипической воде' (ср. финал строфы: *Чтобы в ней к Рождеству отразилась семью плавниками звезда*).

Если рассматривать художественную речь О. Мандельштама, так сказать, «общим планом», то мы можем увидеть своего рода «перекличку» двух разновидностей словообразовательных аномалий в разных стихотворениях разных периодов. Так, пример структурно-семантической словообразовательной аномалии можно видеть в поэтическом

неодеривате *разлапица* в контексте: *Бывало, я, как помоложе, выйду // В проклятом резиновом пальто // В широкую разлапицу бульваров...* («Полночь в Москве...», 1931). — В этом отрывке мы видим типичную для поэзии О. Мандельштама модель конденсации смысла, которая на лингвокогнитивном уровне обусловлена тем, что неодериват маркирует целый фрейм, в норме могущий быть обозначен лишь описательно, целым комплексом выражений. В частности, *разлапица*, с одной стороны, обозначает множество путей, разбросанных по всей Москве бульваров. С другой стороны, на ассоциативном уровне имеются в виду и лапы (ветви) раскидистых деревьев, растущих на бульварах столицы. Также, возможно, реализуется и имплицитное представление о совокупности пешеходов, о толпах людей, снующих про всей Москве туда-сюда (восприятие толпы как многоногого (многолапого) существа).

При этом очевидна преемственность более поздней структурно-семантической словообразовательной аномалии *разлапица* по отношению к более ранней собственно семантической словообразовательной аномалии *лапчатый* во фрагменте: *Как будто холода рассадник // Открылся в лапчатой Москве!* («Московский дождик», 1922). — Механизм данной аномальности связан с совмещением в производном слове нескольких возможных словообразовательных значений ‘похожий на лапу / лапы’, ‘имеющий отношение к лапе / лапам’ и ‘имеющий лапы с перепонками’, которые не распределяются, не дифференцируются в контексте, а, напротив, сопresentуются в нем одновременно, нерасчлененно.

Итак, почему же Москва — *лапчатая*? Значение переносное ‘похожий на лапу / лапы’ явно отнесено не к Москве, а к наблюдаемому лирическим героем фрагменту городского пейзажа. Возможно, капли дождя оставляют следы, ассоциирующиеся со следами лапок птиц. Возможно, как стройные линии следов от птичьих лапок воспринимаются какие-то элементы городского интерьера — брусчатка, стены с определенным покрытием, ограды, мосты. С другой стороны, возможно, здесь *лапчатый* ‘имеющий отношение к лапе / лапам’ — по которому проходит ежедневно много лап, т. е. человеческих ног, лошадиных копыт, птичьих, собачьих и кошачьих лап. Прямое значение ‘имеющий лапы с перепонками’, возможно, ложится в основу метафорического образа, когда сам городской пейзаж, воспринимаемый чрез завесу дождя, ассоциируется по каким-то признакам у лирического героя как нечто, имеющее лапы с перепонками. В качестве дальней ассоциации можно допустить и коннотацию, реализованную

в образной семантике просторечного фразеологизма *гусь лапчатый* 'о хитром, ловком человеке, пройдохе' [БАС—VI 1957]. Москва — город с хитрецей, с лукавинкой: в нашей культуре известна модель стереотипного восприятия ее жителей как народа ушлого, которому палец в рот не клади (вспомним и пословицу: *Москва слезам не верит*).

В заключение отметим, что столь насыщенные смыслом и художественно убедительные явления как-то даже и не хочется именовать аномалиями. Часто мы предпочитаем в этих случаях говорить о семантических сдвигах, смысловых преобразованиях и т. д. Размышляя об эстетических интенциях порождения подобных смысловых смещений, мы можем предположить, что с лингвокогнитивной точки зрения в идиостиле О. Мандельштама они могут служить единственно возможным средством концептуализации и художественного осмысления сложной и внутренне противоречивой действительности, негармоничных, болезненных состояний внутреннего мира.

К общечеловеческим факторам и источникам механизмов языковой аномальности в художественном слове поэта относится, вообще говоря, сама жизнь человека XX и XXI в. Сложность и катастрофичность человеческой экзистенции, непознаваемость и иррациональность мира, ощущение его бессмысленности, психологическая неприемлемость бесчеловечных условий социального и духовного существования обеспечивают постоянный механизм регенерации в культуре художественных моделей альтернативного реалистическому, абсурдного типа.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян Ю. Д. Языковые аномалии: типы и функции // *Res Philologica: Филологические исследования* / Под ред. Д. С. Лихачева. М.; Л.: Наука, 1990. С. 50–71.

Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997. 574 с.

Виноградова В. Н. Словообразовательные средства художественной речи // *Zagadnienia słowotwórstwa i składni w opisie współczesnych języków słowiańskich*. Т. 1. Katowice. 1997. С. 29–35.

Григорьев В. П. Словотворчество и смежные проблемы языка поэта. М.: Наука, 1986. 253 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х тт. М.: Рипол-Классик, 1999. Т. II: И–О. 817 с.; Т. IV: P–V. 714 с.

Кобозева И. М., Лауфер Н. И. Языковые аномалии в прозе А. Платонова через призму процесса вербализации, // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста: Сб. научн. трудов / ИЯ АН СССР / Отв.ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1990. С. 194–224.

Радбиль Т. Б. «Самоизоляция» как новейший русский культурный концепт: когнитивно-дискурсивный аспект // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 4. С. 759–774. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).759–774.

Радбиль Т. Б. Языковая аномальность как фактор конденсации смысла в поэтическом тексте (на материале языка поэзии Осипа Мандельштама) // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2022. № 2. Вып. 31. С. 431–445.

Русский язык в интернет-коммуникации: лингвокогнитивный и прагматический аспекты: Колл. монография / под ред. Л. В. Рацибурской. М.: Флинта, 2021. 328 с.

Словарь русского языка: В 4-х т. (МАС) / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. I: А–Й. 1985. 768 с.

Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред.: Ю. С. Сорокин. Вып. 9: Из–Каста. СПб.: Наука, 1997. 270 с.; Вып. 16: Обломить–Онца. СПб.: Наука, 2006. 278 с.

Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. (БАС). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965. Т. VI: Л–М. 1957. 739 с.; Т. XI: Пра–Пятью. 1961. 926 с.; Т. XIII: С–Сняться. 757.

Успенский Ф. Б. Работы о языке и поэтике Осипа Мандельштама: «Соподчиненность порыва и текста». М.: Фонд «Развития фундаментальных лингвистических исследований», 2014. 216 с.

Чернейко Л. О. Понятия «проекция» и «проективный смысл» в терминосистеме когнитивной лингвистики // Критика и семиотика. 2019. № 2. С. 158–170.

Чернявская В. Е. Дискурсивный анализ и корпусные методы: необходимое доказательное звено? Объяснительные возможности качественного и количественного подходов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 2. С. 31–37.